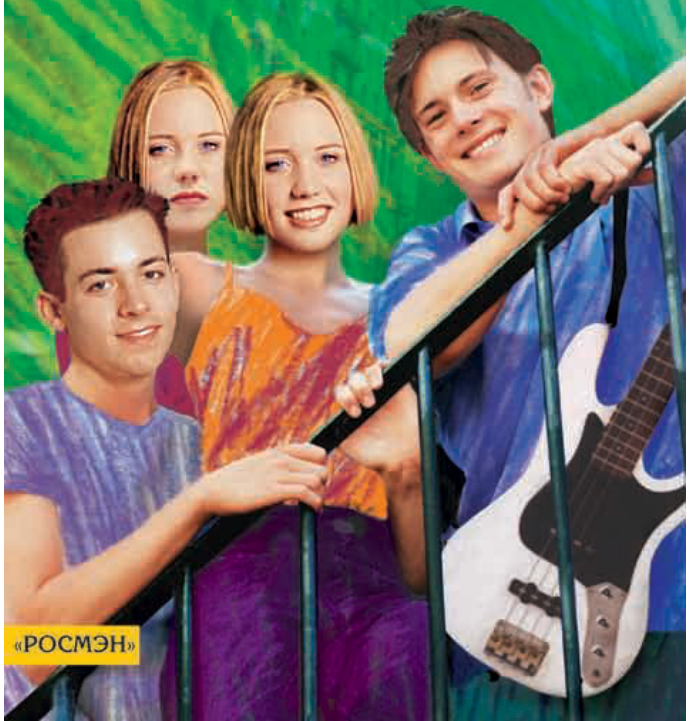
Классные истории

Арсений СНЕГОВ

Странная девочка



«РОСМЭН»

Арсений Снегов

Странная девочка

Серия «Классные истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564717
Странная девочка: Повесть/Оформл. серии Т. Стасюк.: РОСМЭН-ПРЕСС; Москва; 2003
ISBN 978-5-353-01133-3

Аннотация

Одиннадцатиклассник Мишка Фрид увидел в автобусе девушку с необыкновенными, как у инопланетянки, глазами и долго не мог забыть незнакомку. Случайно встретив ее еще дважды, он понял, что судьба свела его с сестрами-близнецами, одна из которых жила в интернате для детей с психологическими проблемами.

Почему красавица Лариса, в которую Фрид влюбился без памяти, скрывает существование своей сестры Алисы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Арсений Снегов
Странная девочка

Глава 1

Мишка Фрид никогда не уставал повторять: «Живи сам и давай жить другим – вот такое мое, типа, кредо!» Или еще: «Не создавай себе лишних проблем: это с радостью сделают для тебя окружающие!»

Из приведенных афоризмов ясно, что Мишка – человек легкий. Он любит в жизни три вещи: хорошую музыку, светлое пиво и чтобы его не трогали.

А не любит он тоже три вещи: напрягаться из-за ерунды, разборки футбольных фанатов и когда у него допытываются, зачем он носит в правом ухе, как дурачок, серьгу в виде серебряного рыболовного крючка.

– Видишь, какое дело, Дэн, – объяснял он своему однокласснику Денису Парфенову, – фанаты разных клубов друг друга не любят, норовят обидеть при случае. А того не понимают, что они – почти что братья. И должны при встрече с рыданиями обниматься, а не пятаки друг дружке чистить. Но, с другой стороны, – подумав, продолжил он мысль, – если все уроды мира однажды сольются в экстазе и объединятся, тогда миру этому вообще кирдык настанет!

А на расспросы по поводу серьги Мишка отвечал чаще всего истинную правду:

– А это такой как бы тест! Если с кем знакомлюсь, сразу видно – нормальный это человек или так – «долбаш»! Если спрашивающий действительно полный «долбаш», он еще обычно пытается выяснить, в чем этот тест, собственно, заключается. И слышит четкий ответ: «А нормальные таких вот вопросов идиотских не задают!»

Правда, пару раз Мишка в результате такой беседы получал по рылу: один раз от тех же футбольных фанатов, а другой – от бритоголовых. После чего приравнял в своей личной классификации скинхедов к фанатам.

Родители считали Мишку разгильдяем. Учителя говорили, что он очень способный, но ленивый.

– Ты, Фрид, если захотел бы, вообще бы учился на одни пятерки! – повторяла время от времени завуч Калерия Викторовна, преподаватель математики.

А Мишка на это гудел басом:

– Да ладно, Калерия Викторовна, не напрягайтесь… Вам-то зачем это нужно, чтобы я отличником был?

– Это нужно тебе, Миша! Понимаешь? Тебе! – возмущенно отвечала Калерия, всплескивая для убедительности руками.

Глядя искоса и с некоторым отвращением на ее наманикюренные пальцы, Фрид бубнил:

– Да ладно вам, что вы, право… Взрослый человек вроде

бы…

И, задохнувшись от возмущения, Калерия Викторовна отставала, заметив только вполголоса:

– Ну-ну, Фрид, посмотрим, что ты на экзаменах запоешь…

Но говорила это она лишь для очистки своей педагогической совести. Она-то как никто знала, что Мишка, если прижмет, может за ночь выучить целиком весь учебник за одиннадцатый класс. Ну, если очень сильно прижмет, разумеется…

Но такие беседы происходили нечасто. С учителями Мишка поддерживал в основном нормальные отношения. А с учителем русского и литературы Егором Андреевичем Мишка даже дружил. Ну насколько вообще ученик может дружить с преподом…

Молодой учитель Егор Андреевич работал в школе недавно, всего два с небольшим года. Еще в детстве после полиомиелита он стал инвалидом. Ходить ему было тяжело, и Егор Андреевич никогда не расставался с палочкой. Но хромота нисколько не помешала молодому учителю за короткое время завоевать сердца почти всех учеников – так здорово и интересно проводил он свои уроки.

Под его влиянием Мишка и сам начал писать небольшие забавные рассказы в духе Хармса. А когда в школе по инициативе того же Егора Андреевича начала выходить газета под названием «Большая перемена», Мишка вошел в ее ре-

дакционную коллегию.

История, о которой пойдет здесь речь, началась в марте. Мишка ехал домой в прекрасном настроении: во-первых, в городе весна в этом году выдалась необыкновенно теплая и солнечная. Во-вторых, он только что выпил на остановке бутылочку пива. А в-третьих, в его сумке лежала новая, только что купленная «мышь» для компьютера, деньги на которую наконец-то выделил Мишкин отец. В голову лезли самые благодушные мысли. «Ну вот, еще пара месяцев – и со школой можно будет попрощаться! – думал он. – И вот она – свободная взрослая жизнь! Ни уроков тебе, ни запретов! Делай, что хочешь!..»

Конечно, в глубине души Мишка понимал, что эта самая взрослая жизнь не такая уж и свободная. Надо поступать в институт, а если не получится, придется идти работать или даже отправляться служить в армию. Но сейчас все это казалось одиннадцатикласснику пустяком. По сравнению с главным: нудной школьной жизни скоро конец!

Автобус притормозил около остановки «Стадион». Через окно Фрид заметил толпу юных болельщиков: они явно собирались брать автобус штурмом. «Этого еще не хватало!» – подумал Мишка с неудовольствием. Он стоял в центре заполненного пассажирами салона, держась за поручень. Впереди, ближе к водительской кабине, было немного свободней. Фрид переместился туда.

Фанаты завалились в салон с шумом и гиканьем, распространяя вокруг запах спиртного и распугивая бабушек-пенсионерок. В автобусе сразу же стало тесно. Мишка стоял, изображая на лице равнодушие. Фанаты раздражали его своей наглой бесцеремонностью и крикливой самоуверенностью и очень напоминали ему сбившихся в стаю агрессивных и одновременно трусливых шакалов. Но конфликтовать с кем бы то ни было в такой прекрасный, солнечный день Мишка совершенно не хотел.

– О-па, перцы, гляньте-ка! – раздался вдруг возглас. – Какая овца прикольная!

Мишка оглянулся. Юные любители футбола столпились в центре салона. Они явно кого-то разглядывали. Слышались реплики:

– Ну ни фига! Глянь, Касимыч!

– Елы-палы! Это ж Барби, в натуре!

– Девушка, а как вас зовут?

– Ты что, не видишь? Она ж глухонемая!

– Сам ты глухонемой! Просто она стесняется!..

Мишка, охваченный невольным любопытством, заглянул с высоты своего немалого роста через головы фанатов.

На сиденье у окна он увидел девушку лет шестнадцати с книгой в руках. Мишка отметил про себя, что до появления в автобусе болельщиков он стоял совсем близко от нее, но, занятый своими мыслями, даже не обратил на нее внимания. Лицо девушки было поразительным… Казалось, что поло-

вину его занимают глаза – серые, очень большие и чистые и какие-то… безмятежные, что ли. Такие глаза бывают только у совсем маленьких детей, растущих в счастливых семьях, окруженных родительской любовью и теплом. Светлые, почти белые волосы были пострижены совсем коротко, как у мальчишки. Изящной формы голова, нежная шея… Мишка почувствовал легкое головокружение.

«Черт, прямо инопланетянка какая-то!» – мелькнула у него мысль.

Девушка подняла голову и обвела спокойным взглядом разгоряченных фанатов. Пацаны отчего-то примолкли. Потом один из них, тот, кого называли Касимычем, произнес, упрямо тряхнув головой:

– Перцы, забьемся, я ее сейчас уговорю со мной пойти?

Ответом ему было молчание. «Перцы», поеживаясь, отворачивались.

Касимыча такая реакция друзей нисколько не обескуражила. Со словами: «Девушка, давайте знакомиться!» – он схватил незнакомку за руку.

Мишка понял, что если он не вмешается немедленно, то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Но слова: «Отстань от нее, ты, урод!» – уже готовые было сорваться с его губ, замерли у Мишки в горле. Он увидел вдруг, как огромные глаза девочки стали словно распухать от слез. Она, ни слова не говоря, не пытаясь отнять руку, просто смотрела своими неправдоподобно большими глазищами сквозь эту

влажную пелену на своего обидчика. И молчала.

Касимыч сказал вдруг растерянно:

– Перцы! Чего она так смотрит? А?

Потом он опустил руку девушки, произнеся:

– Блин! Да она – это… больная какая-то! На всю голову!

Больше всего Мишку поразило, что за все время этого небольшого инцидента незнакомка так и не произнесла ни одного слова…

Глава 2

Мишка проиграл своему другу Денису Парфенову пари. Дело было так. Перед уроком физики все ребята из Мишкиного класса зубрили учебники и конспекты: на уроке предстоял большой опрос. И только Мишка ходил с непринужденным видом по коридору иронично поглядывая в сторону зубрил-одноклассников.

– Михон, а ты чего физику не учишь? – поинтересовался, оторвавшись от учебника, Денис. – Ты что, все знаешь?

– А на фиг мне она сдалась, физика эта? – легкомысленно ответил Фрид. – И потом, меня Терминатор не спросит сегодня.

– А ты откуда знаешь? – изумился Денис.

– Да знаю! – загадочно произнес Фрид. – Я систему просек.

– Какую еще систему? – заинтересовался Денис.

– Понимаешь, – Фрид снисходительно улыбнулся, – Пал Саныч наш – фанат порядка. Он обожает, когда все вокруг по полочкам разложено. Согласен?

– Пожалуй… – не стал спорить Парфенов. – Ну и что из этого следует?

– А то, – Мишка поднял вверх указательный палец, – что я провел небольшое исследование и понял, по какой системе он на физике к доске вызывает. И, главное, он эту систему

не нарушает никогда!

– Ну-ну, продолжай! – Парфенов выглядел чрезвычайно заинтересованным.

– Вот смотри! – Мишка достал из кармана и развернул перед Денисом листок. – Это список нашего класса. Сперва Терминатор начинает спрашивать с самого начала алфавита, но не подряд, а через двоих на третьего.

– Как это? – не понял Дэн.

– Гляди! – Мишка ткнул в листок пальцем. – Первый в списке – Артемьев. Так? Вот он и вызывает Артемьева, а следом за ним – Бродского. А Астафьеву и Боровика пропускает.

– Ну? – судя по взгляду, Денис все еще не понимал. – А почему он их пропускает?

– Система такая, понял, дурик? – Мишка начинал терять терпение. – Потом идут Сашка Вовк и Милка Дергачева, он снова их не трогает. А вызывает как раз Сему Жигуна! Так он и идет по списку, пока до конца не дойдет!

– А потом? – спросил Парфенов, взгляд которого стал уже более осмысленным. – Ну, когда список кончится?

– Тогда Терминатор возвращается к началу, но не к Артемьеву, которого уже спрашивал, а к Астафьевой, которую сперва пропустил! А потом снова идет вниз по той же схеме! Усек?

– А ты это проверял? – поинтересовался Дэн.

– В течение двух недель! – гордо ответил Фрид. – И еще

ни одного сбоя не было!

– Та-ак… – протянул Денис. – Интересно… И кого же, по-твоему, сегодня на физике спросят?

– Пожалуйста! – Мишка стал водить по списку пальцем. – На прошлом уроке Терминатор кого вызывал? Помнишь?

– Нет… – растерянно ответил Парфенов. – Мне как-то в голову не приходило это запоминать.

– А мне вот приходило! – Фрид отыскал в списке фамилии, помеченные крестиками. – Он спрашивал Коляду, Мыскина и Овчаренко. А сегодня, значит, у доски будут мучиться, – Фрид снова глянул в листок, – Степанова Дашка, Умнов и Володька Щагин. И, если времени хватит, Стас Якименко. Понял?

– Да-а… – уважительно протянул Денис. – Классно!

Но потом, поразмыслив немного, он произнес:

– Михон, знаешь, а все-таки как-то сомнительно все это! А вдруг ты неправильно систему эту вычислил? Больно уж она сложная какая-то!

– Да ни фига она не сложная! – категорически ответил Мишка. – Вот увидишь, все будет, как я сказал!

Денис неопределенно пожал плечами. Этот жест окончательно раззадорил Фрида. Он предложил:

– А хочешь, замажем?

– На что замажем? – поинтересовался Мишкин приятель.

– А на десять фофанов!

– Ну хорошо! – согласился после короткого колебания

Парфенов.

– Эй, Стас, разбей! – Это Фрид обратился к стоявшему неподалеку с раскрытой тетрадью по физике Якименко. – А ты, Парфеныч, лоб готовь! Ты знаешь, я фофаны бью безжалостно!..

Скоро прозвенел звонок. Только старшеклассники успели торопливо рассесться за парты, как в кабинете появился директор школы, он же преподаватель физики, Павел Александрович Дитятин по прозвищу Терминатор.

Тут необходимо сделать небольшое отступление.

Пятидесятилетнего директора Терминатором прозвали не зря. При росте за метр девяносто он обладал невероятной физической силой, носил на голове короткий седоватый «ежик», отличался нечеловеческой выдержкой и страстью к порядку во всем. Его как огня боялись почти все школьники, и даже кое-кто из педагогов. По школе ходили жуткие слухи про прошлое Павла Александровича. Говорили, что в молодости он работал в каких-то засекреченных спецвойсках, и его профессией была организация специальных акций, а проще говоря, убийств на территориях разных стран.

Правда, наиболее здравомыслящие из учеников считали эти слухи полной чушью. Тем не менее правды о прошлом директора не знал никто: Терминатор ни с кем в школе не откровенничал на эту тему.

…Когда он вошел в класс, ученики дружно встали. Тер-

минатор молча кивнул: садитесь! И прошел к учительскому столу. В классе воцарилась тишина. Директор вытащил очки и, надев их, открыл журнал. Найдя нужную страницу, Терминатор произнес:

– Как обычно, начнем с опроса! К доске пойдет… – Он пробежал по странице глазами. – Дарья Степанова!

По классу пронесся еле слышный вздох облегчения. Фрид толкнул локтем Парфенова, с которым сидел за одной партой.

– Ну что, видишь? А я что говорил? – прошептал Мишка в самое ухо Дэна.

– Круто! – тихо ответил тот.

Терминатор бросил на Фрида и Парфенова строгий взгляд, и ребята притихли.

Хорошистка Степанова «отстрелялась» довольно быстро. Получив свою заслуженную четверку, она с облегчением вернулась на место.

– Так… – сказал Терминатор. – А сейчас мы послушаем Кирилла Умнова!

Худенький Кирилл, вопреки своей фамилии, особым умом на уроках не блистал. Четверка для него была редким праздником. Теперь он вышел к доске с видом безнадежной покорности судьбе.

– Слушаю тебя, Кирилл! – Терминатор уставился на Умнова сквозь стекла очков в темной оправе. – Расскажи нам для начала об истории открытия элементарных частиц.

Но Кирилл молчал. Очевидно, под строгим взглядом директора он впал в некое подобие ступора.

– Так… – произнес Терминатор. – Умнов, у тебя есть десять секунд, чтобы начать говорить.

В ответ на эти слова Кирилл только вздохнул, уставясь в пол перед собой. Десять секунд истекли.

– Ну что ж… – резюмировал Терминатор. – Садись, Умнов. Два.

Ни слова не говоря, Кирилл поплелся на место.

– А теперь к доске пойдет… – Терминатор снова уткнулся в журнал. – Пойдет… Фрид Михаил!

– Что?.. – Мишка поднялся с места. Лицо его выражало полную растерянность. – Но, Павел Александрович!..

– Слушаю! – отозвался директор. – Что ты хочешь мне сказать? Что не готов к уроку?

– Вы же не должны были меня сегодня вызывать! – невольно вырвалось у Мишки.

– Почему это? – поднял брови Терминатор.

Вместо ответа Мишка лишь махнул рукой и пошел к доске. Ему оставалось надеяться только на чудо.

И чудо произошло. Видимо, кое-что все-таки осело в Мишкиной голове на предыдущих уроках. Начав от безысходности фантазировать, Мишка вывалил на директора гору наукообразного бреда. Но в этой горе оказались какие-то крупицы истины. Когда Мишкина фантазия окончательно иссякла и он замолчал, Терминатор кротко поинтересовал-

ся:

– Это все?

– Ага! – кивнул Мишка.

– Два с двумя плюсами! – оценил ответ директор. – Или, иначе говоря, три с двумя минусами!

Фрид удовлетворенно улыбнулся. Большего в этой ситуации он не мог и пожелать.

… А на следующей перемене ребята и девчонки из одиннадцатого «А» столпились в коридоре. В центре толпы стояли Мишка и Денис. Фрид убрал со лба волосы, закрыл глаза и покорно замер. И Парфенов под одобрительные выкрики одноклассников отвесил приятелю десять полноценных, смачных фофанов.

Глава 3

– Парфен, я фигею! Ну что за непруха такая?

Фрид и Парфенов вышли на школьный двор.

Уроки уже закончились. Мишка шел чуть впереди и говорил, оживленно жестикулируя:

– Я же две недели систему эту проверял, аж целых две! И все работало! Прикинь? – Остановившись, Мишка обернулся к Денису, ища сочувствия.

– Да ладно тебе напрягаться! – попытался тот успокоить приятеля. – Радуйся, что легко отделался! Ты ж такое у доски плел! Я думал, Терминатор тебя после первых же слов отправит на место и «пару» вкатает. Ты бы видел, как он на тебя смотрел, когда ты пел там про кванты и возбужденные электроны! Словно старый морж на эскимоса! А когда ты начал про какую-то там «лептонную теорию поля» нести, у него аж очки задымились!

– Да я радуюсь! – сказал Мишка. – Только вот лоб болит. Силен ты фофаны бить, гад!

На эти слова Парфенов лишь самодовольно усмехнулся. После недолгой паузы он спросил:

– У тебя какие планы на сегодня?

– Да никаких! – Мишка глянул на приятеля с подозрением: – А почему ты спрашиваешь? Сразу говорю: денег у меня нет!

– Да при чем тут… – Денис махнул рукой. – Тут вот какая тема… Сегодня репетиция у меня. А Валька Свирин, басист наш, такую кинул подляну! Из группы ушел, прикинь?

– Ну да? – равнодушно удивился Фрид. – Ну и чего? Нового найдете!

– Да в том-то и дело, что не найдем! – воскликнул Денис. – Времени-то до отборочного конкурса – с гулькин нос! Дядька говорит, жюри запись наша понравилась. А если вживую отработаем нормально – хороший шанс победить! И тогда нам продюсер клип снимет и двинет нас на «тиви», прикинь? И в такой момент этот баран свинчивает! Учиться, видишь ли, музыка ему мешает! Ну не урод ли?

– М-да… – протянул Фрид сочувственно.

Он знал, что Дэн всерьез увлекается музыкой.

Его родной дядя владел небольшой студией звукозаписи и разрешал племяннику проводить там по вечерам репетиции. Группа Парфенова называлась «Левый айсберг» и играла в стиле припанкованного хип-хопа.

– Так я чего говорю! – продолжать гнуть свое Парфенов. – Ты же, Миха, на басу рубишь прилично! Попробовал бы сыграть с нами, а?

– Парфен, ты же знаешь, меня стиль ваш ломает конкретно! – напомнил Фрид. – Если б регги или блюз, на крайняк… А то – хип-хоп! Не мое это!

– Да какая, блин, разница! – начал горячиться Дэн. – Музыка – она и есть музыка! Это деление на стили – для лохов!

Видя, что приятель колеблется, Дэн привел последний неотразимый аргумент:

– Слушай, ну выручи, а? Мы ж друзья, типа! Надо будет – и я тебя выручу, ты же знаешь!

– Да знаю я… – махнул рукой Фрид. Он понял, что отвертеться от репетиции ему никак не удастся. – Короче, во сколько встречаемся?

– Ну, мужик! – обрадовался Дэн. – Давай я в шесть сам за тобой зарулю!

– Ладно… – согласился Фрид и двинул домой.

Когда Мишка подошел к перекрестку, пешеходам загорелся «красный». Фрид остановился. Мимо проехал семьдесят девятый автобус, почти пустой. И тут Мишка вспомнил недавнее происшествие, когда поддатые фанаты цеплялись в автобусе к той странной незнакомке. Мишка понял вдруг, что очень хочет снова увидеть удивительную девчонку с огромными серыми глазищами. «Да где ж ее искать теперь? – подумал он. – Город-то огромный. И народу в нем – немерено…» Сделав над собой усилие, он постарался выбросить из головы мысли о незнакомке.

…Репетиция группы «Левый айсберг» началась с того, что Денис объявил:

– Так, парни! Вот это – Мишка! Он будет играть пока вместо Свирина на басу.

– Здорово! – протянул Мишке руку коренастый, узкоглазый Хасан Мирзоев. – Я – Хасан, барабанщик!

– Снегирь! – представился второй участник группы, клавишник Федор Снегирев, белобрысый, худенький и вертлявый паренек.

– Да вы чего, парни? – изумился Фрид. – Я ж у вас на репетициях был раза четыре – ну осенью еще! Забыли, что ли? Меня Дэн знакомил уже с вами!

– Ну-ка, ну-ка… – задумался Снегирь, заморгав светлыми ресницами. – А, у тебя еще патлы были, как у хиппана! – вспомнил он.

– Ну да! – подтвердил Мишка. – Я просто волосы теперь в «хвост» собираю. – Он повернулся к ребятам вполоборота, демонстрируя этот самый «хвост».

– Ну короче! – строго произнес Дэн. – Ми-хон, хватит трепаться, бери гитару! Давайте, парни, работать!

– А пивка для настроения? – поинтересовался Снегирь. – По чуть-чуть?

– Снегыч, мы ж договорились! – возмутился Парфенов. – Никакого пива на репетициях! Мы работать собрались или чего?

– Ладно, ладно, не кипятись… – пошел на попятную Снегирев. – Я ж просто так спросил.

Через несколько минут репетиция началась. Песня, с которой ребята начали, называлась: «Я – урод». Дэн показал Мишке его партию:

– Ну, смотри, Михон! Тут идет такой риф: бэм – бэбэм – бэмэм, восемь раз по четыре такта. Потом – модуляция. Ну чего, въехал?

Мишка кивнул:

– Начали, разберемся в процессе!

Денис с гитарой в руках подошел к микрофону Хасан сел за ударную установку, а Снегирь занял место за клавишами синтезатора «Ямаха».

– Раз, два, три, четыре! – Хасан, ударяя палочками друг о друга, задал ритм.

Мишка заиграл свою партию, сперва коряво, то и дело не попадая в ноты. Но потом все уверенней и уверенней. Снегирь накладывал на ритмический рисунок атональные рваные аккорды. Вступила ритм-гитара Парфенова – своими отрывистыми всхлипами она вклинивалась между аккордами синтезатора.

Дэн, дождавшись нужного момента, запел, вернее – принялся энергично декламировать в микрофон:

На улице с утра паршивая погода;
Я слышал, твой отец назвал меня уродом.
Твою мать моя рожа ужасно раздражает;
Твои предки на тебя постоянно наезжают:

«Ну почему ты связалась вот с этим уродом?
Ну почему ты связалась вот с этим уродом?
С твоим-то лицом, при твоей-то фигуре

Могла бы и получше найти, в натуре!»

– …Стоп! – скомандовал Парфенов. – Хас!

– Ну? – отозвался Хасан, продолжая по инерции выстукивать ритм, хотя остальные инструменты уже смолкли.

– Гну, блин! – рассердился Дэн. – Да перестань ты долбить! Сколько раз тебе повторять? Акцентируй слабую долю!

– А я чего делаю, по-твоему?! – Хасан вытаращил, насколько это возможно, свои узкие глазки. – Я и акцентирую!

– Да ни фига ты не акцентируешь! Вот смотри! – Дэн стал согнутым пальцем постукивать по микрофону: – Надо делать так: тын, тын, пыть, тын, тын, пыть! А ты делаешь – ум-ца-ца, ум-ца-ца!

Они заспорили. Мишка, откровенно скучая, присел на краешек стула, зевнул. «Только время тут зря теряю!» – мелькнула у него мысль.

Потом репетиция продолжилась. В конце концов, после десятка прогонов, ребята решили передохнуть.

– Пацаны, приколитесь! – вдруг сказал Дэн. – Я тут тему новую нащупал. Ну, для новой песни.

– Давай показывай! – оживился Снегирь.

Денис отложил гитару, достал из сумки помятую тетрадь.

– Называется «Странная девчонка»! – сказал он.

– Как?! – изумленно переспросил Фрид.

– «Странная девчонка»! – повторил Парфенов. – А в чем

дело? Тебя название не устраивает?

– Да нет, нормальное название, – пожал плечами Мишка. – Это так, личное… Я тебе потом расскажу.

Денис бросил на Мишку короткий удивленный взгляд, со вздохом открыл тетрадку и начал читать. С первых же слов Фрид застыл как завороженный.

Я видел тебя один только раз
На левой тусовке у левых друзей,
Но мне не забыть сияния глаз
И гладкой, как бархат, кожи твоей.

Я думал, любовь – это просто прикол,
Что никакой любви не бывает.
Твердят пацаны: «Что ты в ней нашел?»
А я говорю: «Я и сам не знаю…»

Когда Парфенов закончил читать, ребята некоторое время молчали. Потом Снегирь безапелляционно произнес:

– Сопли сплошные! С чего это тебя растащило так?

– Не, правда, Дэн, ты не обижайся, но… – Это к обсуждению присоединился Хасан. – Стишки, они, конечно, хорошие. Но мы-то как раз плохие! У нас имидж такой! А стишки эти уж больно они попсовые! Любовь там, морковь…

– А ты, Мишка, что скажешь? – обратился Парфенов к Фриду.

– А я-то что? – тот криво улыбнулся. – Я тут вообще че-

ловек новый. Так что сами решайте!

– Ладно, парни! – помолчав, произнес Парфенов. – Нет так нет! Забыли! Давайте тогда «Урода» прогоним еще разок!

Он смял листок и хотел бросить его на пол. Мишка сказал:

– Дэн, погоди! Можно, я этот листок себе возьму? Ну, типа, на память?

– Да без проблем! – Парфенов пожал плечами. – Возьми, жалко, что ли…

Глава 4

Поздно вечером Фриду позвонила Илона.

– Фгид, ты живой вообще? – по обыкновению, мягко картавя, спросила она. – Почему ты мне не звонишь? Я ужасно пегеживаю!

– Да дела всякие, прости, Илонка! – ответил Мишка.

Илона ему нравилась. Не настолько, правда, чтобы из-за нее забыть все на свете. Но она была милой и прикольной. С ней было хорошо дружить.

– А я думала – ты меня газлюбил и бгосил! – Мишка и Илона играли иногда в такую игру, будто они безумно друг друга любят.

Видя, как они идут в обнимку, болтая о всяких пустяках, никому и в голову бы не пришло, что они даже ни разу не целовались по-настоящему.

– Не, я люблю тебя по-прежнему! – заверил Фрид. – Ты ж мне как сестра!

– Ладно, бгатик! – засмеялась Илона в трубке. – Я тебя пгощаю, так и быть! Ты со мной в «Би-Би-Кинга» пойдешь завтга? Там, между пгочим, сам Афиногенов будет!

– Завтра?

Мишка задумался. Он уже не раз ходил с Илоной в это уютное кафе, где музыканты вживую играли блюз на маленькой сцене.

– Я бы пошел, пожалуй! – произнес наконец Фрид. – Только я не знаю, как у предков с денежкой. Если они в кризисе, могут и не дать!

– Да ладно, я угощаю! – успокоила его подружка. – Ты же знаешь – я девушка богатенькая!

Фрид неопределенно хмыкнул. Ему всегда было немного стыдно ходить в развлекательные заведения за счет девчонок. Но что делать, если родители не какие-нибудь там бизнесмены, а простые кандидаты наук! На науке нынче не больно-то разбогатеешь…

– Да не менжуйся ты! – сказала Илона, поняв причину Мишкиных колебаний. – Будь выше сословных пьедгассудков!

– Ладно, постараюсь! – пообещал Фрид. – Встретимся где обычно?..

Когда Мишка закончил разговор с Илоной, его отец, Борис Самойлович, уже собирался идти спать.

– Батя! – обратился к нему Мишка. – Скажи, ты отец мне или кто?

– А что, есть сомнения? – поинтересовался Борис Самойлович.

Он стоял в коридоре в смешной пижаме в цветочек и иронично посматривал на сына сквозь стекла очков в стальной оправе.

– Есть! – признался Мишка. – Ты когда сына башлял в последний раз? Уж забыл небось?

– Вон оно как… – неопределенно высказался Фрид-старший, почесывая лысину. – Ты, значит, родительскую любовь деньгами меряешь?

– А чем же еще мне ее мерить? – искренне удивился Мишка. – По мне, кто деньги дает – тот и папа!

– Вон оно как! – повторил Борис Самойлович. – И чего я тебя маленького в детский дом не сдал? Ты не знаешь?

– Пожалел, наверное! – предположил Мишка. – Или мать не позволила!

– Ладно, ближе к делу! – сказал Борис Самойлович, рот которого уже растягивала зевота. – Цифру назови, пожалуйста!

– Пятьсот! – не моргнув глазом, заявил Мишка.

Брови отца поползли вверх. Он заметил:

– За такие деньги я неделю должен пахать!

Мишка пожал плечами. Фрид-старший сказал:

– Подожди! – и ушел в комнату.

Вернувшись, он сунул Мишке две сотенные купюры.

– Маловато будет! – заметил Мишка.

– Грабитель! – сказал отец.

Он снова ушел в комнату и вынес сыну еще полтинник.

– Ну все, больше не могу. Веришь?

– Верю! – ответил Мишка. – Спасибо, папа. – Он похлопал отца по плечу. – Ты у меня молодец.

– Ну, я могу уже идти спать? – ворчливо поинтересовался Борис Самойлович.

– Конечно! – Мишка спрятал деньги в карман. – Спокойной ночи!

– Матери не говори! – попросил отец. – А то ругаться станет, что я тебя балую, двоечника.

– Не скажу! – пообещал Мишка. – Спасибо, папа! – повторил он.

– Очень надеюсь, что ты не сдашь меня впоследствии в дом престарелых… – заметил как бы про себя Борис Самойлович.

И ушел спать. Мишка улыбнулся и последовал его примеру. Он подумал, что ему в общем-то повезло с родителями. «Бывает гораздо хуже!» – заключил он.

Клуб «Би-Би-Кинг» был довольно престижным заведением. По вечерам там собирались любители джаза, ритм-энд-блюза и тому подобной элитарной музыки. Уютный зал вмещал не так много народу, поэтому приходить стоило пораньше.

В дверях Мишку и его спутницу приветствовал Джошуа – симпатичный молодой негр, одетый словно модель из журнала.

– Привет! – сверкнул он снежно-белыми зубами. – Рад вас видеть в нашем заведении!

– Пгивет, Джошуа! – ответила Илона. – Афиногенов уже здесь?

– Он будет попозже! – сообщил Джошуа. По-русски он

говорил с приятным мягким акцентом. – Да вы проходите!

Раздевшись, ребята прошли в зал. Любимый столик Илоны неподалеку от сцены был свободен. Мишка сразу же заказал пива, а его спутница легкий коктейль.

Мишка потягивал янтарный напиток, искоса поглядывая на подружку. Илоне было уже почти девятнадцать. Она училась на первом курсе литературного института и писала неплохие стихи. Невысокая, темноволосая, очень стройная, она пользовалась успехом у ребят. Мишка подозревал, что он, несмотря на молодость, нравится Илоне. Но ему было лень затевать серьезный роман с девушкой. Ни к чему не обязывающие дружеские отношения устраивали Фрида гораздо больше.

Клуб постепенно заполнялся народом.

– Фгид, хочешь мои новые стихи послушать? – спросила Илона.

– Не-а… – искренне ответил Мишка. – Что-то неохота…

– Гад какой! – сказала Илона, ударив Фрида ладошкой по руке. – Что, тгудно девушке пгиятное сделать? – Она демонстративно отвернулась. И тут же закричала, взмахнув кому-то рукой: – Феликс!

К столику подошел симпатичный худощавый мужик, на вид лет около сорока, немного лысоватый. Это был саксофонист Афиногенов, старый приятель отца Илоны.

– Здорово, поросль! – с улыбкой приветствовал он Илону и Мишку. – Решили нашу стариковскую музыку послушать?

– Здравствуйте, Феликс Леонидович! – вежливо поздоровался Мишка. Он уже был знаком с этим музыкантом, которого в джазовых кругах считали чуть ли не лучшим саксофонистом страны. – А музыка ваша – она ведь вечная!

– Приятно, что не вся молодежь у нас на попсе помешалась! – улыбнувшись, произнес музыкант. – Ладно, пойду инструмент распаковывать!

Он ушел, сказав Илоне: «Отцуприват!» – и чмокнув девушку в щечку. А Мишка, заказав еще пива, стал ждать, когда же начнется музыка.

И музыка скоро началась. Публика, увидев, что на сцене появляются первые исполнители, зааплодировала. Мишка закурил. Слушая блюзовые импровизации, он, как обычно, забыл обо всем на свете. Время словно бы остановилось для него. Музыка обволакивала мозг, сводила с ума. В ней хотелось раствориться – совсем, без остатка. «Та, та, та, тара…» – почти бессознательно подпевал Фрид, пристукивая в такт ладонью по дубовой столешнице. На его губах играла улыбка блаженства. Когда Мишка оглядывал публику, взгляд его натыкался на такие же отрешенные, счастливые лица. Но вдруг…

«Черт, не может быть!» – подумал Мишка. За столиком неподалеку он увидел девушку с коротко стриженными светлыми волосами. Девушка посмотрела на Фрида, и Мишка узнал эти глаза. Это была та самая незнакомка из автобуса.

Мишка замер, уставясь на девушку. А та словно бы и не

торопилась отвести взгляд! Мало того, заметив пристальное внимание к себе, она Мишке кокетливо улыбнулась!

В этот момент симпатичный блондинистый юноша лет восемнадцати, сидевший напротив незнакомки, наклонился к ней и что-то сказал. Та сделала недовольную гримаску. Они о чем-то заспорили. В конце концов парочка поднялась и направилась к выходу. Уже у дверей девушка обернулась, посмотрела на Фрида и призывно ему улыбнулась. По крайней мере, именно так показалось Мишке.

Глава 5

С этого вечера мысли о незнакомке буквально преследовали Фрида. Он понял, что почти влюблен в эту странную девушку. Но, будучи реалистом, Мишка понимал и другое: найти человека в огромном городе, не зная о нем буквально ничего, практически невозможно. Оставалось надеяться только на случай. Все-таки уже два раза именно случай сводил Мишку с этой удивительной красавицей! Так почему бы судьбе не смилостивиться хотя бы еще раз?..

А в школе близился конец четверти. На перемене к Мишке подошла восьмиклассница Саня Авилкина – невысокая, с копной черных вьющихся волос, очень энергичная девочка. Саня возглавляла редколлегию школьной газеты «Большая перемена».

– Вот ты где! – воскликнула Авилкина, словно бы Мишка от нее прятался. – Ну чего? Принес?

– Что принес? – не понял Мишка.

Он как раз собирался пойти с Парфеновым в школьный буфет. Денис, остановившись неподалеку, нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Как чего? – возмутилась Авилкина. – Фрид, у тебя что, память всю отшибло? Ты обещал рассказ написать в наш первоапрельский номер! Забыл, что ли?

– Черт! – сказал Фрид. – Вилка, представляешь? Забыл! Ты извини, а?

– На фиг мне твои извинения! – нахмурилась Санька, буравя Фрида маленькими черными глазками. – Мне рассказ нужен! Я всегда знала, что ты, Миша, безответственный, но должны же быть, не знаю… пределы какие-то!

– Вилка, да не парься ты так! – безмятежно произнес Фрид. – Напишу я тебе рассказ! Сегодня же и напишу!

– Михон, ну ты чего? – встрял в разговор Парфенов. – Хавать-то пойдешь? Или тебя не ждать?

– Сейчас! – сказал Фрид. – Подожди секунду! Ну все, короче? – обратился он к Авилкиной. – Решили вопрос?

– Ладно! – махнула рукой Авилкина. – Но чтобы завтра точно!

– Заметано! – ответил Мишка. – Парфен, двинули!

И приятели отправились в столовую.

– …Михон, тут такая маза! – сказал Денис, когда они с Мишкой уже заканчивали обедать. – Надо нам в концерте одном поучаствовать, типа, благотворительном. Это для раскрутки нужно. Там пресса будет, прикинь?

– Что за концерт-то? – поинтересовался Фрид, пальцами пытаясь извлечь из стакана оставшуюся на дне сушеную грушу – та все время выскальзывала. – Вот черт! – выругался он, поднял стакан и, запрокинув голову, отправил вареный сухофрукт в рот.

– Ну, это концерт такой… – начал отчего-то мямлить

Дэн. – Ну, типа, спонсорский. Благотворительный, то есть.

– Про благотворительный ты уже говорил! – напомнил Фрид. – Давай короче, а то урок скоро!

– Ну, если короче, есть один такой интернат… – начал Дэн. – Такой… не совсем обычный…

– Для придурков, что ли? – поинтересовался Мишка.

– Во-во, типа того! – кивнул Парфенов. – Только не для придурков, а для детей с психологическими проблемами.

– Ну, ясно, – заявил Фрид. – Это которые под себя ходят.

– Никто там под себя не ходит! – разозлился Дэн. – Нормальные там ребята! Понимаешь, у них есть спонсоры, фирма одна богатая. И их директор, ну этих спонсоров, обратился к моему дядьке, чтобы организовать детям концерт. И уже журналистов пригласили, с канала «Культура». Они про этот интернат будут снимать сюжет. Ну и про концерт заодно. Там всего-то нам надо отыграть минут двадцать. Мы же не одни там будем! Понимаешь?

– Понимаю! – сказал Мишка. – Надо так надо. Какие вопросы?

– Ну и решили! – обрадовался Парфенов.

– А остальные-то знают уже? – поинтересовался Мишка. – Ну, Снегирь, Хас?

– Я им сегодня скажу, на репетиции! – пообещал Парфенов. – Надеюсь, они поймут, что это для дела нужно.

– Да поймут они, куда денутся! – заверил Мишка. – Ты не волнуйся, Парфен. Если чего, я тебя поддержу. Ну, навешаю

им про «пиар», рекламу и все такое.

И ребята двинули на урок.

Очередная репетиция была в тот же день. Хасан ничего не имел против того, чтобы сыграть в интернате. Он сказал только:

– Ну чего же, святое дело! Им же скучно там, в интернате этом. Да и вообще…

– Да и вообще, благое дело у Аллаха зачтется! – высказался Снегирь.

Хасан покосился на Снегирева с подозрением: не издевается ли тот? И сказал на всякий случай, нахмурившись:

– Аллах тут при чем, а? Ты Аллаха не трогай!

– Да не трогаю я никого! – сказал Снегирь. – Просто я думаю: а вдруг псих какой на сцену бутылку бросит? Ну, мало ли чего им в голову взбредет, этим… психологическим!

– Да не бросит, не переживай! – заверил Парфенов. – Там же за ними следить будут надзиратели! В смысле воспитатели!

– А вдруг не уследят? – засомневался Снегирь.

– Ну, короче так, парни! – решил вмешаться в беседу Фрид. – Кончайте этот базар гнилой. Парфен же сказал – это для дела надо. Хасан не возражает. Я тоже. А у тебя, Снегирь, что, особое мнение?

– С чего ты решил? – Снегирев невинно уставился на Мишку. – Я как пацаны!

– Ну и заметано! – с облегчением произнес Парфенов. – Давайте тогда репетировать!

…Апоздно вечером, играя в «Контр-Страйк», Мишка вспомнил про обещание, которое дал Авилкиной. Фрид с сожалением вышел из игры и создал новый документ. Он еще понятия не имел, про что будет новый рассказ. Он стал думать про школу, учителей. Мишке казалось, что сюжет рассказа должен быть как-то связан со школьной тематикой. Он вспомнил вдруг про злосчастный урок физики: как ловко тогда Терминатор его подловил! Мишка понял, о чем будет его рассказ.

Он написал про киллера по прозвищу Терминатор. Этот наемный убийца в душе был добрым человеком. Просто жизнь повернулась так, что ему пришлось заняться таким грязным ремеслом. А на самом деле Терминатор мечтал всю жизнь делать что-нибудь полезное – лечить людей, например, или писать сказки для маленьких. Или даже работать директором школы. И вот киллер к середине жизни скопил много-много денег. Он порвал со своим бандитским прошлым, чтобы исполнить свою мечту работать с детьми. Он покупает диплом и приходит в обычную школу, где из него получается очень неплохой директор. Одно только удивляет учителей. Когда кто-нибудь из педагогов просит директора «разобраться» с особо непослушным школьником, директор машинально уточняет: «Разобраться – это, в смысле, убрать?» Но потом хлопает себя ладонью по лбу и говорит:

«Ну да, конечно! Я вызову в школу его родителей!»

Закончив рассказ, Мишка перечитал его. Вроде получилось неплохо. Не гениально, конечно, но довольно забавно. И Мишка, довольный собой, скинул рассказ на дискету, а дискету бросил в школьную сумку и отправился спать.

Авилкиной Мишкин рассказ понравился. Они сидели в крошечной лаборантской, переделанной под редакцию. Саня только что с помощью старенького принтера распечатала принесенный Мишкой текст.

– Прикольно! – заявила она, прочитав рассказ. – Опять же на небольшой скандальчик тянет! Дураку ясно, кого ты имеешь в виду под киллером, который стал директором школы!

Авилкина обожала скандалы. Она придерживалась той теории, что хорошая газета – это скандальная газета. По этому поводу у Сани почти ежемесячно были конфликты с преподавателями. В газете «Большая перемена» появлялись время от времени острые разоблачительные материалы, которые далеко не всегда основывались на реальных фактах. Но Авилкиной было все нипочем. Если выяснялось, что ее очередное разоблачение – полная туфта, Саня без всяких проблем приносила через газету извинения. А в следующем номере снова печатала очередную разоблачительную статью.

– Мы работаем для читателя! – объясняла она своим помощникам, членам редакционной коллегии. – А читатели любят разоблачения! Значит, мы будем эти разоблачения им давать! А если ошибемся вдруг – так можно и извиниться!

Таким образом, за четыре месяца существования газеты изумленные читатели узнали, в частности, что:

– учитель физкультуры Антон Михайлович постоянно держит в своей тренерской комнатке бутылочку с коньяком, к которой частенько прикладывается на переменках, тщательно заперев перед этим дверь;

– завуч Калерия Викторовна, являясь родной тетей отличника из десятого «А» Степана Антонюка, постоянно завышает ему оценки по математике;

– в школьной столовой недокладывают мясо в котлеты;

– деньги, собираемые с учеников начальных классов на новые учебники, исчезают неизвестно куда.

Ну и так далее. Информацию Авилкина получала от многочисленных осведомителей, которые имелись у нее чуть ли не в каждом классе и даже, как говорили, среди школьной администрации. Малыши работали на Саньку за шоколадные батончики, ребята постарше – просто «из любви к искусству». Видимо, все они воображали себя жутко замаскированными тайными агентами. Конечно, многие учителя спали и видели, что газету, наконец, закроет школьное начальство, а наглая Авилкина будет поставлена на место. Но директор Павел Александрович не спешил почему-то признавать эксперимент с газетой неудачным. Мишке даже казалось, что все эти скандальные статьи Терминатора просто забавляют. Правда, по каждой такой публикации директор неизменно проводил собственное расследование и тут же принимал ме-

ры, если какие-то факты подтверждались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.